

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.

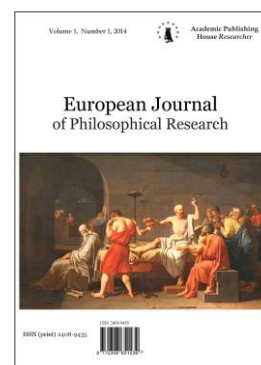
ISSN: 2408-9435

E-ISSN: 2413-7286

Vol. 6, Is. 2, pp. 56-61, 2016

DOI: 10.13187/ejpr.2016.6.56

www.ejournal17.com

Articles and Statements

UDC 7.01

Idea of Absurdity in A. Vvedensky's Philosophical Poetry and Dramatic Art

Fedor I. Girenok

Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
119991 Moscow city, GSP-1, Lomonosovsky Avenue, house 27, case 4
Doctor of Philosophy, professor
E-mail: girenok@list.ru

Abstract

In article the concept of absurdity of Alexander Vvedensky's poetry is analyzed. The author draws a conclusion that the consciousness is necessary for the person not for knowledge, and for suffering. And also to fill the emptiness with hallucinations. Unlike the French existentialism Vvedensky understands absurdity not as absurd, an illogicality, and as denial of metaphysical deafness at the person. The absurdity is a unique opportunity not to be the deaf among become deaf.

In article the dramatic art of the play «Fir-tree at Ivanov» is analyzed. The author notes that the structure of desire of the person differs in nothing from desires at animals. In the play anybody deceives nobody because deception is possible in the knowledge horizon. And this horizon as the author notes, just and isn't enough for heroes of the play. But isn't present in the play and a hint on self-deception. All tell only the truth, but anybody in anything doesn't trust. In article the special attention is paid to idea of a madhouse of Vvedensky. It is noted that to be the madman, it is optional to go crazy. For this purpose it is necessary to remember what wasn't, and to forget that was. The madman not the one who calls himself the madman, and the one who will be called the madman by the doctor. The author draws a conclusion that time is a way of the existence doubled, which isn't coinciding with itself the person. Affecting itself, we always create time in which there are values and ghosts.

Keywords: absurdity, the consciousness, time, subjectivity, A. Vvedensky imagined, God, madness, language, nonsense.

Философские идеи позднего литературного авангарда нашли свое отражение в творчестве Александра Введенского, пьеса которого «Елка у Ивановых» предвосхитила появление европейского театра абсурда. Для Введенского является проблемой невозможность найти границу между нормой и ненормальностью, а также попытка представить жизнь как логический процесс.

Методология данного исследования определяется неклассическими представлениями о человеке, которые основываются на том, что человек не имеет сущности и его существование

строится между бредом и галлюцинациями. Под бредом понимается язык безотносительно к сознанию. Под галлюцинациями – сознание, взятое вне зависимости от языка.

Абсурд

Жизнь – это не логический процесс, а абсурдный, и сознание нужно человеку не для знания, а для страдания, для того, чтобы заполнять свою пустоту галлюцинациями. Что такое абсурд? Это нелепость, нелогичность. И это правильно. Но у Введенского абсурд – это предмет, камень, который сознание бросает в людей. Вернее, ты сам его бросаешь в себя.

«Верую, ибо абсурдно» – говорил Тертуллиан. В этой формуле, мне кажется, передается тот оттенок абсурда, который был утерян уже у Камю, но который еще различал Введенский. Верит не тот, кто алогичен, а тот, кто не потерял слух. «Мы не глухие», – говорят верующие, – «Мы еще слышим голос Бога». Абсурд – это способ быть не глухим среди оглохших. Все заглушает голос Бога, но Введенский его слышит. «Мне жалко, что я не зверь, бегающий по синей дорожке, говорящий себе поверь, а другому себе подожди немножко...».

Вот, например, пьеса Введенского «Елка у Ивановых». Про кого эта пьеса? Про нас, про русских. Ведь это мы Ивановы, хотя в пьесе в семье Ивановых нет ни одного Иванова. О чем она? О том, что мир потерял смысл. А бессмысленность мира высказать нельзя. Вопрос об этом еще, наверное, можно будет поставить. Но в вопросе ответа на вопрос уже не будет. Для ответа слов не хватит. Вернее, сознанию, которое утратило свое трансцендентальное единство, разорванному сознанию, всегда не хватает слов и оно заменяет их грезами.

Бессмысленность лучше показать в пьесе. Какова идея Введенского? Она очень проста. Человек не живет в мире, и поэтому его познает. Кто хочет жить, тому нужно отказаться от познания. И жить просто. Так, как живут звери. Без рефлексии и без разрыва между сказанным и сделанным. Кто познает, тот не живет просто. В жизнь того врываются мнимости галлюцинирующего сознания. Абсурд и бессмыслица говорят нам, что мы в мире чужие. Если же мы каким-то образом утратили чувство абсурда, значит с нами что-то не так и, возможно, мы живем, как живут в пьесе «Елка у Ивановых». Ивановы живут в ней ниже самих себя. И для этого им ничего специально делать не надо. Для этого нужно быть лесорубами, рубить елки, идти в комнату к одной девушке случайно попадать к другой и не замечать этого. И петь. И лесорубы в пьесе поют, хотя, по замечанию Введенского, разговаривать не умеют.

Человек перестает быть животным не в труде, но только в творчестве. Люди, далекие от творческого неистовства, как раз и похожи на персонажей пьесы «Елка у Ивановых».

Что значит быть ниже самого себя? Это значит быть натуральным, естественным. «Мы тут как звери» – говорит Пузырев-отец, имея ввиду, что структура желания человека ничем не отличается, вопреки Фрейдю, от желания у животного. Эрос у Ивановых существует сам по себе. Жизнь у них – это как ожидание елки, которой предшествует Рождество. Танатос представлен Введенским событием, которого никто не ждет и одновременно которого никто не боится. Все знают, что умрут. И никто не спасется. Но страха ни у кого нет. Праздник Рождества приходит и все умирают. В пьесе все умирают какой-то унылой, однообразной и совсем не трагической смертью.

Никто из персонажей «Елки у Ивановых» не делает вид, не строит из себя какой-то определенный образ. Даже лесоруб-Федор, который стал учителем латинского языка, ничего из себя не представляет. Он лишь подтверждает, что учитель ничем не отличается от кухарки. Образованный класс, который представляют Пузыревы, кажется сообщен с искусством. Они ходят в театр. Но оригинальный взгляд этого класса на балет состоит во взгляде на балерину, которая представляется шерстяной и пузатой. Умный, а это годовалый мальчик Петя Перов, потому и умный, что не знает, что он умный. Глупый потому и глуп, что не знает, что он глупый.

В пьесе никто никого не обманывает, ибо обман возможен в горизонте знания. А этого горизонта как раз и не хватает героям пьесы. Но нет в пьесе и намек на самообман. Все говорят только правду, но никто ни во что не верит. При этом часто говорят мыслями, а не словами. Говорить мыслями – значит, как дети, плакать, смеяться и стенать.

Все, что скрыто, подлежит показу, обнаружению. «А я когда в зал выйду, когда елку зажгут, я юбку подниму и всем все покажу» – говорит Соня Острова [1]. Героиня пьесы мыслит действиями, которые не знают предела. Она просит обратить внимание на красоту ее ягодиц и груди. И говорит о мастурбации и незаменимой при этом роли пальца. Отсутствие эмоционального интеллекта стирает у героев пьесы представление о границе между приличным и неприличным, дозволенным и недозволенным. Воспитывавшая Соню Острову нянька отрубает ей голову. Сказала и сделала, и сознание не тормозит ее действие.

Сумасшедший дом

Из дома Ивановых нянька-убийца попадает в дом для сумасшедших. В этом доме никто не играет, никто не симулирует. В нем все серьезно. В мире человека вообще все двойится. И он сам двойится. И никто не знает наверняка, где он в данный момент находится: на стороне мнимости или же на стороне реальности. Понимая, что реальность тоже мнимость. Для того чтобы быть сумасшедшим, необязательно сходить с ума. Для этого нужно помнить то, чего не было, и забыть то, что было. А это и есть незыблемое правило существования сумасшедшего дома в пьесе «Елка у Ивановых». Врач целится в свое отражение в зеркале, полагая, что это не он целится, а это в него целятся. Он в норме, а тот другой ненормальный. «Кругом одни ненормальные. Они преследуют меня. Они поедают мои сны. Они хотят меня застрелить» [1]. Поедать чьи-либо сны – значит отбирать самое важное у человека: его самость. Врач стреляет. Зеркало разбивается. Входит санитар и спрашивает: кто стрелял? Врач отвечает: зеркало. Санитар не удивляется тому, что говорит врач. Грамматике все равно, кто в кого стреляет: врач в зеркало или зеркало в врача.

Врач стреляет в коврик. Санитар падает. Сдвиг субъекта продолжается. Падение санитаря не проблема языка. Врач озадачен: почему падает санитар. Санитар отвечает: я обознался. Мне показалось, что я коврик и я расстрелян. Кто из них сумасшедший: врач или санитар? Ответ на этот вопрос в доме для сумасшедших невозможен. Никто из них не говорит о своем сумасшествии.

Круг расширяется. Появляется няня, которая называет себя сумасшедшей. Реакция врача – это реакция того, кто устанавливает норму. Сумасшедший не тот, кто называет себя сумасшедшим, а тот, кого назовет сумасшедшим врач. Диалог няни и врача выразительно краток. Няня говорит: я сумасшедшая. Врач ей отвечает: нет, вы здоровы. Няня настаивает: я убила. Врач говорит в ответ: возможно вы убили. Нехорошо убивать. Но у вас здоровый цвет лица. И просит няню сосчитать до трех. Няня отказывается, ибо не умеет считать. Считает санитар. Врач обращается к няне и говорит: видите, а говорите, что не умеете. Няня: это не я считала, а санитар. Врач резонно замечает: сейчас это трудно установить. В сумасшедшем доме никто никого не может казнить. В нем можно только казнить самого себя. Врач резюмирует свое общение с убийцей словами: вы здоровы, идите казниться.

Первичное самоограничение

«Бог забыл нас», – говорит поэзия Введенского. А без Бога ничего человеческого в мире не произойдет. Без него ничего сделать нельзя. Без него нет никаких оснований, и все в мире рассыпается. Почему? Потому что мы ничего не боимся. У нас нет страха оказаться иллюзией сновидения, тем, что не существует. Человек возникает не из приспособления к миру, а из страха перед Богом. Героиня поэмы «Кругом возможно Бог» признается: «Да, я ничего не боюсь. Я существую без боязни». Но она существует как фантазм, как то, чего нет.

Бог – это первичное самоограничение человека, которое гласит: либо ничего нельзя, либо не все можно. Человек бытийствует как бесконечно возобновляемая конечность. Напротив, современному человеку кажется, что ему все позволено, а Богу не все. Бог, как и человек, должен подождать, пока сахар растает в стакане. Введенский убеждает нас, что это не так. Что мы неправильно понимаем время.

Время

Проблема времени состоит в том, что есть вещи, которые локализируются в пространстве как вещи, а еще есть образы-мнимости, которые локализируются во взгляде человека на вещи. И человеку волей-неволей приходится всякий раз заново решать, с чем он имеет дело: с мнимостью или вещами, спит он или бодрствует. Для этого выбора ему приходится

изобретать сознание, благодаря которому человек научается преодолевать свою раздвоенность. Видеть то, чего нет, и не видеть то, что есть.

Где же существует сознание? Конечно, не в пространстве. Сознание не вещь. Оно пребывает в действии. Другой наблюдает за тобой. Он не видит твоего самонаблюдения. Ты видишь себя во времени. Другой видит тебя в пространстве. Если на другого человека можно действовать в пространстве и для этого действия сознания не надо, то как действовать на себя? Действовать на себя можно во времени. То есть изобретение времени связано с попыткой человека установиться относительно самого себя, а не мира. А это значит, что время не всеобщая форма существования вещей, а форма существования человеческой субъективности.

Современное общество является множеством поименованных других. В нем никогда нет тебя с твоей субъективностью. Я – это дыра в социуме, прокол объективности. Другие могут воздействовать на твое тело, но не на твою субъективность, ибо ты и твоя самость живут во времени, а тело живет в пространстве. То, что для тебя является реальностью, для других выступает как сновидение. Ты живешь в одном мире, а он, другой, всегда живет в другом мире. И между нами бесконечность непонимания. Язык заставляет тебя относиться к себе как другому, и в этом смысле язык превращается в наблюдение за наблюдающим наблюдателем. В реальности человек становится зрителем. Тогда как совпадение с действительным у него происходит только во сне.

Воздействием на себя рождается время. Время – это вообще способ существования сдвоенного, не совпадающего с самим собой человека. Действуя на себя, мы всегда создаем время, в котором существуют ценности и призраки, как если бы.

В «Серой тетради» Введенский пишет: кто хоть немного понял время, тот должен перестать понимать мир [2]. Потому что мы понимаем мир во времени, а времени в нем нет. А поскольку современный язык пространственно-временной, постольку «пространство» мешает ему понимать человеческую субъективность, а «время» – топологию мира. «Наша человеческая логика и наш язык не соответствуют времени ни в каком, ни в элементарном, ни в сложном его понимании. Наша логика и наш язык скользят по поверхности времени» [2].

Время – единственное, что не существует вне человека. И вот это не существующее без нас поглощает все существующее вне нас. Так наступает то, что Гегель называл «ночью человека», а Введенский называет «ночью ума». Время – это ноль, который все превращает в ноль. «Горе нам, задумавшимся о времени», – подводит итог своим размышлениям Введенский [2]. Горе, потому что время – это змея, которое проглатывает бытие.

Воображение

Воображение заражает разум своим безумием и освобождает его от опыта, который надзирает за умом и наказывает его. Чистый разум, освободившись от опеки рассудка, ведет себя, как безумный. Он постоянно выходит за пределы опыта и доказывает недоказуемое. Он доказывает, что Бог есть, а душа вечна. Благодаря этим выходкам разума существует величайшее изобретение человечества – метафизика. По словам Канта, к метафизике, как к возлюбленной, с которой поссорились, люди еще вернуться. Не найдя границы между реальным и выдуманным, Введенский не ищет, как Кант, невидимого эфира. Он пишет в «Мире»: «На обоях человек, а на блюдечке четверг» [3]. Как можно понять сказанное Введенским? Например, так: нет места в мире человеку, мир не для человека, ибо он требует, чтобы человек развернулся в рецептивную плоскость внешнего, а человек сворачивается в воображаемую глубину внутреннего пространства. И вот поэтому он существует на обоях мира. Что такое «обои мира»? Это его изнанка. То есть человек существует как изнанка мира, в которой все устроено не так, как в мире. В мире время течет, а в изнанке оно никуда не спешит и лежит, как карась, на блюдечке.

Люди – мастера упрощений. Для них понять – значит упростить. Они могут придать смысл немислимому и сделать вид, что что-то поняли. Введенский предлагает не понимать. Он уверен, что непонимание – это событие, существующее наряду с пониманием. Непонимание – не отрицание понимания. Введенский пишет в «Факте, теории и Боге»: «Чтобы все было понятно, надо жить начать обратно» [4]. У Введенского понимание и обратная жизнь как-то связаны. Что значит «обратно»? Во-первых, это зеркальная связь.

Во-вторых, мы можем вернуться обратно в ту же точку пространства, мы можем вернуться в начало и вновь начать что-то делать. Но можем ли мы вернуться в какое-то время, как в точку в пространстве? Может быть, начать жить обратно – значит жить шиворот-навыворот? На блюде одно время, а рядом другое время. И оно уже не лежит, а стоит, как дерево. В «Приглашении меня подумать» Введенский пишет: «Мы видим лес шагающий обратно. Стоит вчера сегодняшнего дня вокруг» [5]. Лес шагает обратно. Как это ему удается? В нем вчера не кануло в вечность. В нем стоит вчера сегодняшнего дня. Оно никуда не ушло, рядом с ним сегодня, а рядом с вчера позавчера, и все стоит вокруг тебя. И это лес, шагающий обратно. То есть у нас будущее впереди, а у Введенского позади. Наши предки живут перед нами, а не после нас. И мы живем после них, мы их прошлое, они – наше будущее.

Литература

1. Введенский А. Елка у Ивановых [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.vkarp.com/2013/04/20/введенский-александр-ёлка-у-ивановых/> (дата обращения: 05.06.16).
2. Введенский А. Серая тетрадь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rulibs.com/ru_zar/poetry/vvedenskiy/1/j52.html (дата обращения: 05.06.16).
3. Введенский А. Мир [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1567> (дата обращения: 05.06.16).
4. Введенский А. Факт, теория и Бог [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/333289-tom-1-proizvedeniya-1926-1937.html> (дата обращения: 05.06.16).
5. Введенский А. Приглашение меня подумать [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rupoem.ru/vvedenskij/budem-dumat-v.aspx> (дата обращения: 05.06.16).

References

1. Vvedenskii A. Elka u Ivanovykh [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://lib.vkarp.com/2013/04/20/vvedenskii-aleksandr-elka-u-ivanovykh/> (data obrashcheniya: 05.06.16).
2. Vvedenskii A. Seraya tetrad' [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://rulibs.com/ru_zar/poetry/vvedenskiy/1/j52.html (data obrashcheniya: 05.06.16).
3. Vvedenskii A. Mir [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1567> (data obrashcheniya: 05.06.16).
4. Vvedenskii A. Fakt, teoriya i Bog [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://e-libra.ru/read/333289-tom-1-proizvedeniya-1926-1937.html> (data obrashcheniya: 05.06.16).
5. Vvedenskii A. Priglasenie menya podumat' [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://rupoem.ru/vvedenskij/budem-dumat-v.aspx> (data obrashcheniya: 05.06.16).

УДК 7.01

Идея абсурда в философской поэзии и драматургии А. Введенского

Федор Иванович Гиренок

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация
 Доктор философских наук, профессор
 119991 г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, дом 27, корпус 4
 E-mail: girenok@list.ru

Аннотация. В статье анализируется понятие абсурда в поэзии Александра Введенского. Автор делает вывод о том, что сознание нужно человеку не для знания, а для страдания. А также для того, чтобы заполнять свою пустоту галлюцинациями. В отличие от французского экзистенциализма Введенский понимает абсурд не как нелепость, нелогичность, а как отрицание метафизической глухоты у человека. Абсурд – это уникальная возможность не быть глухим среди оглохших.

В статье анализируется драматургия пьесы «Елка у Ивановых». Автор отмечает, что структура желания человека ничем не отличается от желаний у животных. В пьесе никто никого не обманывает, ибо обман возможен в горизонте знания. А этого горизонта, как отмечает автор, как раз и не хватает героям пьесы. Но нет в пьесе и намека на самообман. Все говорят только правду, но никто ни во что не верит. В статье особое внимание уделяется представлению о сумасшедшем доме Введенского. Отмечается, что для того чтобы быть сумасшедшим, необязательно сходить с ума. Для этого нужно помнить то, чего не было, и забыть то, что было. Сумасшедший не тот, кто называет себя сумасшедшим, а тот, кого назовет сумасшедшим врач. Автор делает вывод о том, что время – это способ существования сдвоенного, не совпадающего с самим собой человека. Действуя на себя, мы всегда создаем время, в котором существуют ценности и призраки.

Ключевые слова: абсурд, сознание, время, субъективность, А. Введенский, воображаемое, Бог, безумие, язык, бред.